

По жалобам о нарушении статьи 3 Конвенции

Вопрос о запрещении бесчеловечного обращения

Вопрос о запрещении унижающего достоинство обращения

По делу обжалуется длительное применение режима «опасного заключенного». По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

Пехович против Польши

[Piechowicz v. Poland] (№ 20071/07)

Постановление от 17 апреля 2012 г. [вынесено IV Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

В октябре 2007 года заявитель, который обвинялся в сбыте наркотиков и руководстве преступной организацией, был отнесен к категории «опасных заключенных» и помещен в камеру, все части которой, включая санитарный узел, постоянно контролировались с помощью прикладного телевидения. Он подвергался личному обыску при входе в камеру и выходе из нее, что на практике означало, что заявитель должен был обнажаться перед надзирателями, которые также осуществляли анальный осмотр. Когда он находился вне камеры, за ним наблюдали два надзирателя, которые надевали ему комбинированные кандалы на руки и на ноги. Несколько раз в его камеру ненадолго помещался другой заключенный. Свидания с родственниками также были ограничены, а переписка заявителя контролировалась. Решение об отнесении заявителя к категории «опасных заключенных» пересматривалось раз в три месяца и систематически оставлялось без изменения в связи с характером обвинений. Заявитель был освобожден в июле 2010 года.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 3 Конвенции (материально-правовой аспект). Хотя заявитель не был судим за насильственные преступления, он был осужден за ряд тяжких преступлений, включая принадлежность к организованной преступной группе, и его первоначальный перевод на режим «N»¹ мог считаться правомерным. Тем не менее Европейский Суд не согласился с тем, что длительное, формальное и неизбирательное применение в полном объеме мер, которые власти были обязаны применять в соответствии с этим режимом, в течение двух лет и девяти месяцев являлось необходимым для поддержания тюремной безопасности. Заявитель находился в ограниченной социальной изоляции, поскольку иногда содержался в камере с другим заключенным, поддерживал ежедневный контакт с персоналом, имел право на свидания с родственниками, пользовался телевизором и тюремной библиотекой. Однако власти не обеспечивали заключенным режима «N» необходимые стимулы и адекватные человеческие контакты. Они отклоняли требования заявителя о допуске к обучению, мастерским, курсам и спортивной деятельности, организованным для других заключенных, и запрещали ему иметь в камере собственное спортивное оборудование, компьютерные игры или CD-плеер. Кроме того, отрицательные психологические и эмоциональные последствия его социальной изоляции дополнительно усугублялись механическим применением иных специальных мер безопасности, в частности, кандалов и личных обысков. Европейский Суд не убежден, что систематическое применение кандалов всякий раз, когда заявитель покидал камеру, являлось необходимыми. Точно так же, личные обыски, включавшие осмотр ануса, проводились механически и не были связаны с конкретными нуждами безопасности или особыми подозрениями при том, что заявитель постоянно подвергался контролю с помощью прикладного телевидения и тюремных надзирателей. Даже если личные обыски могли быть необходимы для обеспечения тюремной безопасности или предотвращения беспорядков или преступлений, Европейский Суд не убежден, что такие систематические, беспокоящие и исключительно стесняющие проверки, осуществлявшиеся по отношению к заявителю ежедневно или даже несколько раз в день, являлись необходимыми для обеспечения безопасности в тюрьме. Наконец, в то время как тяжесть предположительно совершенных заявителем преступлений

¹ Закрытый тип содержания под стражей, является строгим тюремным режимом и применяется к «особо опасным преступникам» (прим. переводчика).

могла оправдывать его первоначального отнесение к «опасным заключенным» и перевод на режим «N», она не могла служить единственным обоснованием для длительного применения этой меры. С учетом совокупного влияния на заявителя строгого тюремного режима Европейский Суд нашел, что длительность содержания и принятые меры вышли за рамки требований тюремной безопасности и не являлись необходимыми.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (принято единогласно).

Европейский Суд также установил, что по делу допущены нарушения требований пункта 3 статьи 5 (длительность предварительного заключения), пункта 4 статьи 5 (отсутствие равенства сторон) и статьи 8 (ограничение контактов заявителя с родственниками и цензура его переписки) Конвенции.

КОМПЕНСАЦИЯ

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 18 000 евро в качестве компенсации морального вреда.